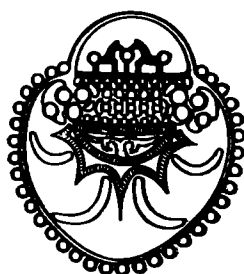

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1972

А. И. ТЕРЕНОЖКИН
**ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ
ДРЕВНЕЙШЕГО САМАРКАНДА**

Разведки и раскопки, осуществленные в 1945—1947 гг. на городище Афрасиаб, позволили мне разработать основы археологической периодизации древнего Самарканда.

Для древнейшей поры в развитии культуры мною было выделено пять периодов: Афрасиаб I—VI—IV вв. до н. э., Афрасиаб II и III—IV—II вв. до н. э., Афрасиаб IV и Талли-Барзу I—II в. до н. э.—I в. н. э. Ввиду того, что на городище Афрасиаб не удалось обнаружить слоев, соответствующих Талли-Барзу II и III, было сделано заключение, что в течение этих периодов Самарканд находился в упадке. В моем представлении кризисное состояние жизни города продолжалось приблизительно с I или со II по IV в. н. э., в продолжение почти всего кушанского времени. Для средневековья были выделены периоды: Талли-Барзу IV—V—VI вв., Талли-Барзу V—VII—начало VIII вв. и несколько периодов от арабского завоевания Самарканда в 712 г. до разрушения города Чингисханом в 1220 г.¹ Ценные археологические материалы, особенно для периода Талли-Барзу I, были получены при раскопках на Афрасиабе 1948 г.²

С тех пор прошло уже более 20 лет, в течение которых в среднеазиатской археологии произошли значительные сдвиги. Далеко продвинулось и изучение Афрасиаба, на котором с 1958 г. работает Самаркандская археологическая экспедиция АН УзССР.

В ходе этих исследований, осуществлявшихся ранее под руководством В. А. Шишкина, а позднее — Я. Г. Гулямова, выдающиеся успехи были достигнуты в освещении средневекового города, тогда как ранние периоды продолжали оставаться в значительной степени в тени. Раскопкам старейших культурных слоев на городище большое внимание стало уделяться лишь в течение последних лет. Однако именно древнейшие периоды жизни Самарканда послужили в печати предметом острой и оживленной полемики, которая явно усилилась в связи с подготовкой к 2500-летнему юбилею города. Рассмотрению вопросов периодизации древнейшего Самарканда, продолжающих оставаться весьма актуальными в археологии Средней Азии, и посвящается настоящая статья³.

¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950.

² А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, XXXVI, 1951.

³ М. К. Пачос, в течение многих лет изучавший остатки ферттификации на Афрасиабе, сделал попытку возродить неудачную гипотезу В. Л. Бяткина, согласно которой в I тысячелетии до н. э. Самарканда не было, что он возник на городище не ранее IV—V вв. н. э. М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаба. СА, 1967, I и другие статьи. Мне нет необходимости останавливаться в настоящей работе на разборе этих взглядов, получивших обоснованное опровержение в ряде исследований Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина, С. К. Кабанова и Г. В. Шишкиной, которые упоминаются у нас ниже.

На предложенную мной периодизацию древнего Самарканда, еще в ее исходном варианте⁴, откликнулся М. Е. Массон и дал ей негативную оценку⁵. Его критика в общем была правильной, но оказалась запоздальной, так как в том же году вышла из печати моя более полная периодизация.

Однако не все заключения М. Е. Массона были обоснованны. Так, например, он не смог подкрепить никакими ссылками на имеющиеся публикации свое утверждение, что мной допущено замалчивание многих важных высказываний среднеазиатских ученых об Афрасиабе, сделанных после издания в 1927 г. известной книги В. Л. Вяткина об этом памятнике⁶.

Отвергая мое мнение о существовании кушанского упадка, М. Е. Массон пытается доказать, что именно в эту эпоху, особенно в I—III вв., Самарканд переживал период своего высшего расцвета, в подтверждение чего сообщает, что он еще в 1933 г. видел на Афрасиабе мощные кангюе-кушанские культурные наслоения и что известно много случайных находок с Афрасиаба, относящихся к первым векам нашей эры⁷.

В настоящее время нельзя установить, какие культурные слои на Афрасиабе признавались М. Е. Массоном в 1933 г. кушанскими, поскольку в качестве характерных для них находок в его статье названы лишь каменные «орудия типа остроконечников и крупных скребел». Помимо этого, М. Е. Массон много лет спустя одобрил периодизацию Г. В. Григорьева, Талли-Барзу, абсолютный возраст ранних ступеней которой, как известно, был завышен более чем на 500 лет⁸. Перечень вещей, отнесенных М. Е. Массоном к кушанскому времени, нам не ясен, рисунков их нет. Некоторые из них, например оссуарии с архитектурными и скульптурными элементами, как значительно более поздние не имеют отношения к кушанской поре. Монеты «варварского Евтидема» и Кадфиза I не поучительны, так как они старше периода упадка моей периодизации. Для нас могли бы иметь реальное значение монеты «других более поздних кушанских... правителей», но они упомянуты случайно: никаких поздних кушанских монет с Афрасиаба не имеется, о чем мы узнаем из недавней статьи самого же М. Е. Массона, сообщающего, что из всей долины Зеравшана известен пока только халк Кадфиза I, найденный к тому же, как выясняется, не на Афрасиабе, а в европейской части города Самарканда⁹.

О такого рода старых замечаниях и необоснованных высказываниях здесь можно было бы и не писать, если бы они в самое недавнее время не получили одобрения и оценки как бесспорно правильные¹⁰. Не подтвержденный археологическими фактами взгляд на подъем жизни Самарканда в кушанское время получил ныне вновь всемерную поддержку. Так, В. А. Шишкин пишет о моей периодизации, что если в ней начальный и последний этапы жизни Афрасиаба хронологически установлены верно, то дело обстоит «значительно хуже с определением средних этапов, где имеются различные неточности»; вещи «датированы неверно и попали не в те хронологические разделы, где их следовало поместить», значительно более поздним окажется все, что отнесено ко II в. до н. э. — I в. н. э., пред-

⁴ А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, 4.

⁵ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1959, 4.

⁶ Там же, стр. 156.

⁷ Там же, стр. 155—157.

⁸ М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет». Ташкент, 1939, стр. 144.

⁹ М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «великих кушан». ОНУ. Ташкент, 1968, 8, стр. 21.

¹⁰ В. А. Шишкин. Кала'а и Афрасиаб. Сб. «Афрасиаб», 1, Ташкент, 1969, стр. 125 сл.

меты, отнесенные к кушанам (Талли-Барзу III), типичны не для I—IV, а для IV—VI вв. н. э. Высказывается упрек, что в моей периодизации Афрасиаба оказался огромный разрыв, соответствующий I—VIII вв., который якобы восполнен мной целиком материалами Г. В. Григорьева из Талли-Барзу, что только отсутствие у меня собственных археологических источников с самого Афрасиаба и позволило сделать мне тогда ответственный вывод об упадке Самарканда в эпоху кушан, ошибочность которого очевидна, так как на Афрасиабе «культура кушанского времени, эфталитского и особенно предарабского представлена и мощными наслоениями, и большим количеством предметов». В подкрепление своих столь далеко идущих заключений В. А. Шишкин ограничился приведением только одного фактического указания, что будто бы я ошибочно поместил сосуды с коротким носиком IV—VI вв. в период Талли-Барзу III¹¹. Однако ошибки в этом нет никакой: В. А. Шишкин вполне прав, считая эти сосуды типичными для ступени Талли-Барзу IV, но он не учел того, что они появились раньше, в период Талли-Барзу III, но установил это не я, а Г. В. Григорьев, и установил правильно¹². Что же касается самой моей периодизации, то она получила здесь по какому-то досадному недосмотру, допущенному В. А. Шишкиным, весьма неверное освещение. Я писал в своей работе об отсутствии на Афрасиабе только материалов, которые соответствуют ступеням Талли-Барзу II и III, чем и обосновывал существование кушанского упадка в жизни Самарканда, а эфталитское и предарабское время в моей периодизации дано почти исключительно по вещественным остаткам, происходящим из культурных слоев самого Афрасиаба. Опираясь именно на яркость и обилие афрасиабских источников, я писал тогда: «Возрождение Самарканда (после кушан) началось при эфталитах, а в эпоху тюрков он вновь переживает расцвет. VII век — время блестящего подъема ремесел, земледелия, торговли и культуры в Согде»¹³.

Основная тенденция в большинстве новых трудов, в которых идет речь о ранних периодах Афрасиаба, та же, что и у В. А. Шишкина; заключается она в стремлении омолодить средние периоды и восполнить тем самым выделенный мной период кушанского упадка Самарканда. С этим мы одинаково встречаемся в работах С. К. Кабанова, Г. В. Шишкиной, Н. Б. Немцовой и М. И. Филанович. С. К. Кабановым предлагается следующая хронология: Афрасиаб I—VI—IV вв. до н. э., Афрасиаб II и III—III—I вв. до н. э., Афрасиаб IV—II—III вв. н. э., Талли-Барзу I—III—IV вв. и Талли-Барзу IV—V—VII вв.¹⁴ Б. Я. Стависким предложена такая датировка интересующих нас ранних слоев городища Талли-Барзу: Талли-Барзу I—конец II (?) — первая половина III в. н. э., Талли-Барзу II — середина III и Талли-Барзу III — конец III—IV вв.¹⁵

Присмотримся ближе к данным, позволяющим этим авторам так уточнять хронологию ранних периодов Афрасиаба.

Афрасиаб I был выделен мной по материалам из раскопок 1947 г. на валу внешнего укрепления городища близ мавзолеев Шахи-Зинда и на его северо-западной окраине. Для него оказалась типичной гончарная по-

¹¹ В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 128, 129.

¹² Г. В. Григорьев. Городище Талли-Барзу. ТОВЭ, II, XI, 1940, стр. 93, рис. 3.

¹³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 160, 161. Кстати отмечу, что вопрос о неприемлемости абсолютной хронологии слоев Талли-Барзу, предложенной Г. В. Григорьевым, был поставлен мной не в 40-х годах в свете новых археологических сведений, как о том пишет В. А. Шишкин (В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 110—113), а в предвоенное время. А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане ВДИ, 1939, 1, стр. 188, 189.

¹⁴ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 183 сл.

¹⁵ Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Талли-Барзу. СА, 1967, 2, стр. 22 сл.

суда цилиндрических и цилиндро-конических форм, кроме которой в слоях были лепленные от руки на тканом шаблоне котлы, каменный молоток, пестик, пронизь и пастовые бусы, бронзовое зеркало с длинной ручкой и пр. По аналогиям из Гяур-Калы в Мерве и Нади-Али в Афганистане Афрасиаб I был датирован мной VI — IV вв. до н. э.¹⁶

С тех пор нашлось много новых пунктов с материалами начального периода на городище. Характеристика его обогатилась великолепным бронзовым шлемом скифского типа, найденным близ южной окраины Самарканда, который, очевидно, правильно отнесен Е. В. Черненко к VI в. до н. э.¹⁷

Важное датирующее значение для Афрасиаба I имеет бронзовый двулопастный втульчатый наконечник стрелы, извлеченный С. К. Кабановым из зольника с типичной для той поры керамикой, оказавшегося под древней крепостной стеной на северо-западной окраине городища, над р. Сиабом¹⁸ (рис. 1, 1). Подобные наконечники стрел известны в находках на Гяур-Кала в Мерве, на Яз-Тепе в Маргиане (Яз I и II)¹⁹ и в Калаи-Мире в Таджикистане (Кобадиян I)²⁰. Такие наконечники принято датировать второй половиной VII—VI в. до н. э., а как показывают находки в слоях Яз I, они могут быть и старше. Нигде наконечники стрел этого рода не переходят в V в. до н. э. Вот почему представляется, что Афрасиаб I следует датировать VII—VI вв., а никак не VI—V или VI—IV вв. до н. э. Мысль М. И. Филанович, что Афрасиаб I своим началом уходит в VII в. до н. э., является вполне плодотворной²¹.

В пользу предложенной датировки VII—VI вв. до н. э. Афрасиаба I свидетельствует также недавно выделенная сотрудниками Самаркандской экспедиции поздняя его ступень. М. И. Филанович предварительно отнесла эту ступень к IV в. до н. э.²² В яме с керамикой позднего типа Афрасиаба I в западной части городища С. К. Кабанов нашел в 1967 г. бронзовый наконечник стрелы, ценный для датировки этого слоя²³. Наконечник трехлопастный с удлиненноовальными лопастями и обрезанной втулкой (рис. 1, 2). Наконечники такого рода сравнительно редко встречаются в савроматских колчаных наборах, относящихся к концу VI — первой половине

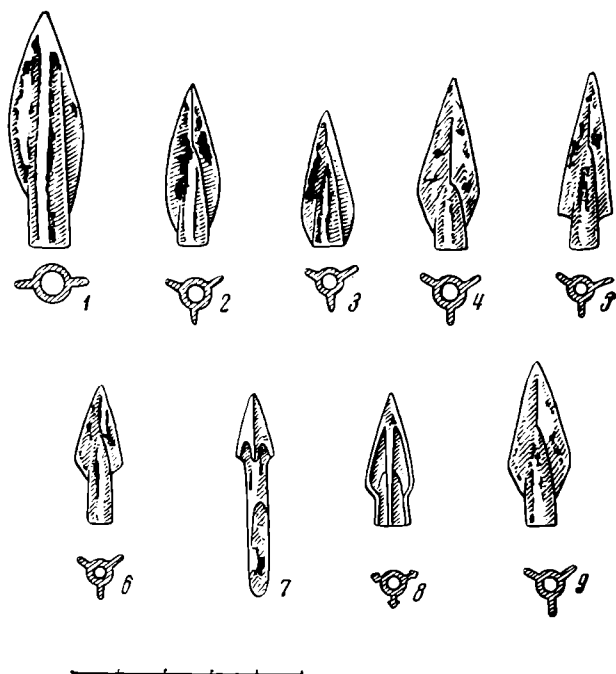

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел из древнейших культурных слоев городища Афрасиаба

¹⁶ А. И. Тереножкин. Литература по археологии..., стр. 155.

¹⁷ Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, 4, стр. 120 сл.; Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 76 сл., рис. 41.

¹⁸ С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 184, рис. 4, 1.

¹⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 38, сл., рис. 12, табл. XXXIII и XXXIV.

²⁰ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиян). МИА, 37, 1953, стр. 281, рис. 19.

²¹ М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 212.

²² Там же, стр. 213—216, рис. 3.

²³ За разрешение опубликовать этот наконечник приношу благодарность С. К. Кабанову.

V в до н. э. Лучше всего они представлены, на что обращает внимание К. Ф. Смирнов, в материалах Персеполя²⁴.

Афрасиаб II был выделен по вполне гомогенному комплексу керамики, полученной из ямы, открытой несколько западнее мечети Хазрет-Хызр. В этом комплексе типична столовая посуда отличного гончарного производства с красным ангобом и характерным полосчатым лощением. Материалы Афрасиаба III были получены мной в большом количестве из зольников под зданием с алтарем времени Афрасиаба IV в северо-западной части городища. В период Афрасиаба III керамическое производство в древнем Самарканде достигает высшего уровня. Для него характерны бокалы с валикообразным перегибом на стенках, покрытие красным блестящим лакоподобным ангобом. Афрасиаб II и III условно были датированы IV—II вв. до н. э.²⁵.

Массовые материалы Афрасиаба II и III были получены (к сожалению, в смешанном виде) С. К. Кабановым в зольнике, раскопанном им под зданием с алтарем в северо-западной части городища, которое раскапывалось мной в 1947 г. Под этим зольником была открыта древняя крепостная стена над Снабом, упомянутая выше. В зольнике нашлись три бронзовых наконечника стрел, а один наконечник оказался в ремонтной кладке крепостной стены. С. К. Кабанов отнес Афрасиаб II и III к III—I вв. до н. э. Однако находки стрел остались им при этом не использованы, а они очень важны. Наконечник стрелы, происходящий из ремонтной кладки, — трехлопастный с овальными лопастями и низко обрезанной втулкой (рис. 1,3)²⁶. Другой наконечник, найденный над той же крепостной стеной, отличается от предыдущего тем, что втулка выступает сильнее, а лопасти имеют ромбовидное очертание (рис. 1,4)²⁷. Наконечники эти одинаковы с описанным выше из ямы с материалами позднего Афрасиаба I и как ранне-ахеменидские могут быть также датированы концом VI — первой половиной V в. до н. э. Два остальных наконечника стрел найдены непосредственно под зданием с алтарем времени Афрасиаба IV. Один из них с выступающей втулкой, трехлопастный с прямо подрезанными лопастями (рис. 1,5)²⁸, другой подобен предыдущему, но втулка у него длиннее, а головка значительно короче (рис. 1,6). Аналогии этим наконечникам можно найти в наборах стрел из сарматских могил V—IV вв. до н. э., тогда как III в. до н. э. представлен преимущественно уже трехгранными наконечниками²⁹.

Событием явилось открытие Г. В. Шишкиной в западной части городища древнейшего для него могильника. Здесь под толщами культурных наслоений оказалось несколько разрушенных захоронений и одно сохранившееся. Могила имела вид грунтовой ямы, частично обложенной сырцовыми кирпичами, в которой в вытянутом положении лежал скелет человека, ориентированного головой на запад. У черепа стоял обычный для Афрасиаба II банковидный бокал, отделанный полосчатым лощением³⁰. Недалеко найден, может быть, выпавший из разрушенной могилы, бронзовый трехлопастный черешковый наконечник стрелы (рис. 1,7) сакского типа VII — VI вв. до н. э.³¹.

²⁴ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 46, табл. ПВ, 14—17.

²⁵ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 156.

²⁶ С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 184, рис. 4, 3; е го же. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 83, рис. 2, 3.

²⁷ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаба, стр. 186, рис. 4, 2.

²⁸ Там же, стр. 190, рис. 4, 4, 5.

²⁹ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., табл. III, 41—51; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д, 1—10, М., 1963, стр. 31, табл. 14, 29, 57, 66, 105.

³⁰ Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 227, 228; ср. А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 70, 5.

³¹ Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды. СА, 1969, 1, стр. 66, рис. 5, 1.

Упомянем еще о находках в культурном слое со смешанной керамикой типов Афрасиаба II и III, обнаруженной при шурфовке на обособленном холме на правом берегу р. Сиаб, к востоку от цитадели городища³². В 1968 г. здесь найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой, по которой от лопастей спускаются «ребрышки» (рис. 1,8). Наконечник своеобразен, но он, по-видимому, правильно отнесен исследователями к IV—III вв. до н. э. В 1969 г. здесь же найдена монета Антиоха I или II, относящаяся к первой половине III в. до н. э.³³. Как видно из изложенного, во всех случаях материалы Афрасиаба II и III сопровождаются находками бронзовых наконечников стрел скифского, ахеменидского и сакского типов. Старейшие находки железных трехлопастных черешковых наконечников стрел засвидетельствованы, как известно, только для Афрасиаба IV. Грань между теми и другими представляется весьма существенной для вопросов хронологии. На юге Восточной Европы смена бронзовых наконечников стрел железными начинается в III в. до н. э. и заканчивается во II в. до н. э. Вот что сообщает о ходе этого процесса на соседней со Средней Азией территории Поволжья и Южного Приуралья М. Г. Мошкова: «развитие бронзовых втульчатых наконечников стрел в период прохоровской культуры идет по нисходящей линии», в погребениях конца IV — III в. до н. э. количество бронзовых наконечников «резко падает, а в погребениях III—II вв. до н. э. они отходят на второй план, уступая свое место железным наконечникам»³⁴. Смена бронзовых наконечников железными к юго-востоку от Аральского моря на рубеже IV—III вв. до н. э. отчетливо прослежена С. А. Трудновской по материалам городища Чирик-Рабат в Кызыл-Ординской области³⁵. В Бухарской области, как это выяснено О. В. Обельченко, с конца II в. употреблялись уже исключительно железные наконечники стрел³⁶. Конечно, время смены бронзовых наконечников стрел железными в Средней Азии еще нуждается в уточнении, однако уже сейчас можно сказать, что во II в. до н. э. они здесь не применялись или были редкими. Хронологическая грань между ними лежит приблизительно на рубеже III—II вв. до н. э. Отсюда следует, что в настоящее время должна идти речь не об омолаживании моих датировок Афрасиаба II и III, на чем так энергично настаивают сотрудники Самаркандской экспедиции, а на их удревнении: если в 1948 г. я датировал эти периоды IV—II вв., то ныне для них несравненно более приемлемой является датировка IV—III вв. до н. э.

Периоды Афрасиаба IV и Талли-Барзу I датировались мной в свое время II в. до н. э.—I в. н. э., следовательно, в основном порой кангюя и начала кушан³⁷. В отношении хронологии Афрасиаба IV я ориентировался на материалы некрополя Туп-Хона в Таджикистане (аналогии рюмковидным кубкам на неустойчивой ножке), хорошо датированные находками серебряных оболлов, чеканенных по монетам бактрийского паря Евкратиды (по Тарну, 169—159 гг. до н. э.), которые были отнесены М. М. Дьяконовым к последним десятилетиям II в. до н. э.³⁸. Датировка Талли-Барзу I, как и Каунчи II, могла устанавливаться лишь условно.

Никаких прямых данных, которые позволяли бы уточнить абсолютный возраст Афрасиаба IV и Талли-Барзу I, не дали пока и новые раскопки.

³² Раскопки Ю. Ф. Бурякова и М. Тагиева.

³³ Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба. ОНУ, 1968, 8, стр. 59. Благодарю авторов за разрешение опубликовать сведения о находке монеты и рисунок наконечника стрелы.

³⁴ М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 31.

³⁵ С. А. Трудновская. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. ПИХЭ, 6, М., 1963, стр. 209—213.

³⁶ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники. Реф. канд. дис. Ташкент, 1954, стр. 11, 15.

³⁷ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 157.

³⁸ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда в 1947 г. МИА, 15, 1950, стр. 173, 174, табл. 83—85.

Стремление же к омолаживанию этих периодов, с которым мы сталкиваемся в современных трудах, продиктовано исключительно желанием их авторов любым способом восполнить кушанский пробел в археологии и истории Самарканда. Так, например, С. К. Кабанов, отнеся Афрасиаб II и III к III — I вв. до н. э., пишет: «Приведенная передатировка имеет важное значение для истории города. Если наслоения Афрасиаб IV и Талли-Барзу I датировать II в. до н. э. — I в. н. э., то на Афрасиабе не окажется наслоений, которые соответствовали бы II—IV вв. н. э., и, следовательно, в истории города как бы обнаруживается длительный перерыв. Известно, что этот вывод (А. И. Тереножкина) был немедленно подвергнут критике» — со стороны М. Е. Массона³⁹. Производя пересмотр хронологии, С. К. Кабанов совсем исключил из своей периодизации ступени Талли-Барзу II и III: выводя ступень Талли-Барзу IV непосредственно из Талли-Барзу I, он и пишет о существовании непрерывности жизни на Афрасиабе в кушанское время. Не приходится доказывать, что построение это не больше чем иллюзия, находящаяся в глубоком противоречии с фактами согдийской археологии, имеющими для нее опорное значение.

Не можем мы поддержать и попытку омолаживания слоев Талли-Барзу I—III, предлагаемую Б. Я. Стависким. Она интересна, но явно основывается на слишком скудных параллелях в древностях Хорезма, которые сами еще нуждаются в уточнении. Туп-Хона М. М. Дьяконова и Тулхарский курганный могильник в Таджикистане, исследованный А. М. Мандельштамом, более или менее одинаково датируются II—I вв. до н. э. находками подражательных оболов Эвкратиды и монеты Герая (попытка А. М. Мандельштама датировать эти могильники с точностью до десятилетий едва ли может быть названа удачной)⁴⁰. По наличию в них только железных наконечников стрел они явно моложе Афрасиаба III и могут во времени сопоставляться с Афрасиабом IV.

Талли-Барзу I по составу и типам вещей связан хронологически с Каунчи II в области среднего течения Сырдарьи и Кобадияном III в Таджикистане. Новые большие исследования памятников культуры Каунчи II произведенные в зоне Чардаринского водохранилища, не дали таких источников, которые позволили бы изменить принятую нами для нее датировку⁴¹. Однако возможности уточнения ее верхнего рубежа у нас все же появились. Если раньше начало сменяющей ее джунской культуры определялось лишь условно в пределах I—III вв. н. э., то в настоящее время в результате изучения таких вещей из джунских могил, как мечи, бронзовые зеркала, железные наконечники стрел и др., стало очевидным, что его нельзя отнести позже II или, что вернее, I в. н. э. Такая дата для ранних могил Джуна строго закреплена происходящей из них бронзовой фибулой типа *Aucissa*, исследованной Б. А. Литвинским⁴². Предложенная М. М. Дьяконовым датировка Кобадияна III временем I в. до н. э. — I в. н. э. подтверждена материалами городища Кей-Кобад-Шаха, в котором вместе с керамикой конца Кобадияна II и Кобадияна III оказался обол Герая (середина I в. до н. э. по А. А. Зографу)⁴³. Хронологией Кобадияна, как она была установлена М. М. Дьяконовым, продолжает уверенно пользоваться Г. А. Пугаченкова и подтверждает ее своими исследования-

³⁹ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 197.

⁴⁰ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 137 сл.

⁴¹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

⁴² Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы. СА, 1967, 2.

⁴³ А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 66, 1958, стр. 302 сл., рис. 11—14.

ми в Сурхандарьинской области⁴⁴. В общем, если судить по Каунчи II и Кобадияну III, то у нас пока не имеется данных для внесения изменений в датировку Талли-Барзу I.

Археологическая периодизация ранних ступеней Афрасиаба с внесенными в нее необходимыми поправками в настоящее время представляется в следующем виде: Афрасиаб I: ранний — VII—VI вв. до н. э., поздний — V в. до н. э.; Афрасиаб II и III—IV—III вв. до н. э.; Афрасиаб IV и Талли-Барзу I—II в. до н. э.—I в. н. э.; Талли-Барзу II и III—II—IV вв. (периоды кушанского упадка Самарканда).

Так уточненная хронология основных периодов раннего Афрасиаба позволяет осветить ряд важных вопросов истории древнего Самарканда.

Нам точно не известно, когда на Согд распространилась власть ахеменидского Ирана. По-видимому, это произошло не ранее тех восточных завоевательных походов Кира Великого, которые закончились для него гибелью в сражении с массагетами в 530 г. до н. э. Если это так, то, судя по имеющимся уже археологическим данным, почти весь ранний период Афрасиаба I следует считать еще предахеменидским.

Каким же мог быть этот доахеменидский город на городище Афрасиабе? Прежде всего следует сказать, что ныне все сомнения скептиков в существовании такого города в глубокой древности на Афрасиабе уже полностью рассеялись: это был город, и город огромный, а никак не некое странное скопление мелких поселков сельского типа, по М. К. Пачосу. Несмотря на весьма длительное время, прошедшее от начала города до наших дней, и различные большие разрушения культурных слоев, древнейшие наслоения или их явные признаки обнаруживаются в пределах всего городища Афрасиаба, а не только в его западной половине⁴⁵.

Вся обширнейшая площадь городища (более 200 га) была обнесена внешней могучей крепостной стеной еще в предахеменидское время. Остатки ее можно уже наблюдать на южной, восточной и северной окраинах. Обвалы этой городской стены, перекрывающие культурные слои и руины помещений раннего Афрасиаба I, хорошо видны в обрезах моего раскопа 1947 г. на валу к востоку от ансамбля мавзолеев Шахи-Зинда. Здесь, как пришлось мне увидеть в 1970 г., сохранилось и основание крепостной стены более 1,5 м высоты, сложенной из пахсы и крупнейших сырцовых кирпичей (49 × 49 × 13 см).

1968 год ознаменовался одним из замечательнейших открытий на городище: Г. В. Шишкина, производя раскопки у обрыва к р. Сиаб (чуть севернее Соборной мечети Хорезмшахов), резко углубилась в толщу культурных слоев и обнаружила величественную крепостную стену, основание которой оказалось на 11 м ниже современной поверхности поля. По древности она, как устанавливает исследовательница, едва ли уступает стене близ Шахи-Зинда.

Раскопки на Афрасиабе, осуществляемые Самаркандской археологической экспедицией, привели к началу раскрытия доахеменидской городской цивилизации, а вместе с тем, по-видимому, и государственности в Согде. Там же на р. Сиаб, но несколько западнее, С. К. Кабановым открыта упоминавшаяся ранее великолепная крепостная стена, прикрывавшая северо-западный фас древнего города, расчищенная на протяжении 60 м. С. К. Кабанов отнес эту стену к концу III или к первой половине II в. до н. э.⁴⁶ С такой датировкой согласиться нельзя: стена возведена на культурном слое раннего Афрасиаба I; в ее кладке найден бронзовый наконечник стрелы ахеменидского типа. Руины стены перекрыты культур-

⁴⁴ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 115 сл.

⁴⁵ Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды. СА, 1969, 1; в о же. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. Сб. «Афрасиаб», 1.

⁴⁶ С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 187.

ными остатками периодов Афрасиаба II и III, в которых также обнаружен бронзовый ахеменидский наконечник стрелы раннего типа, конца VI—первой половины V в до н. э. Все это достоверно свидетельствует о том, что отрезок внешней городской стены, исследованный С. К. Кабановым, был возведен в ахеменидское время, вероятно, не позднее V в. до н. э. Итак, в ней можно видеть остатки фортификации Мараканды времени, которое предшествовало завоеванию города Александром Македонским.

Особый интерес представляют вопросы организации водоснабжения древнего города, изучению которого большое внимание уделяется Я. Г. Гулямовым. Судя по тому, что городские оборонительные сооружения (конечно, не только в виде валов, стен, но и глубоких рвов) были сооружены еще в доахеменидское время, самотечный канал, шедший с юга по линии знаменитого Джуи-Арзиза, должен был функционировать с глубочайшей древности. Сведения о результатах раскопок магистрального канала, идущего с юга к цитадели, еще не опубликованы. М. И. Филанович к западу от Соборной мечети исследовала остатки концевых сооружений самотечных каналов и установила, что они относятся к самым древним периодам истории города⁴⁷. При раскопках в южной части города Н. Б. Немцова обнаружила магистральный канал, идущий от мечети Хазрет-Хызра на восток вдоль южной стены городища и, судя по найденной в нем керамике типов Афрасиаба III⁴⁸, сооруженный не позднее III в. до н. э. В районе мавзолеев Шахи-Зинда Н. Б. Немцова открыла мощные слои Афрасиаба I. Ею найден здесь и бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы ахеменидского типа, который опубликован мной (рис. 1, 9).

Массовые керамические материалы позволяют установить, что ремесла и культура в древнем Самарканде, как об этом писал я и раньше, достигают наивысшего уровня в эллинистическое время, приблизительно в III в. до н. э., а со II в. до н. э. в них определенно обозначается начало упадка, который совсем отчетливо сказался уже на рубеже нашей эры, соответственно в период Талли-Барзу I. Упадок жизни в Самарканде при кушанах, очевидно, не означал полного ее прекращения. О какой-то жизнедеятельности города в эту пору свидетельствуют материалы из шурфа в северной части Афрасиаба, заложенного в 1968 г., где впервые за всю историю исследования этого памятника нашлись обломки типичных для Афрасиаба II сосудов с ангобными росписями в виде переплетающихся лент⁴⁹.

В эпоху «великих кушан» высочайший расцвет переживали юг Средней Азии и Бактрия. Однако на севере, особенно в Согде, вопреки мнению многих археологов, мы отмечаем время значительного упадка. По-видимому, здесь раньше начала складываться тяжелая для культурных оазисов политическая обстановка, обусловленная натиском сарматских кочевых племен, мигрировавших в это время с своей древней родины из степей Поволжья и Приуралья как на запад, так и на юго-восток, в области Средней Азии. Известно, что сарматское продвижение на запад, протекавшее двумя волнами — с конца III в. до н. э. и с начала II в. н. э., привело к падению многовекового могущества скифов в Северном Причерноморье и к общей сарматизации юга Восточной Европы. Крупные изменения должны были произойти и на среднеазиатской территории, через которую, по-видимому также двумя волнами, прокатилась сарматская миграция. В деле выяснения особой роли сарматского этнического элемента в древней истории Средней Азии мы более всего обязаны О. В. Обельченко, который в течение многих лет плодотворно исследовал курганы в Ташкентской, Бу-

⁴⁷ М. И. Филанович. Ук. соч., стр. 209 сл.

⁴⁸ Н. Б. Немцова. Стратиграфия южной окраины Афрасиаба. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 168, рис. 5, 19—26.

⁴⁹ Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 279.

харской и Самаркандской областях Узбекистана. В выявленных им признаках массовых вторжений кочевых сарматов во II—I вв. до н. э. и во II—IV вв. н. э.⁵⁰, вероятнее всего, и следует видеть причины, вызывавшие в Самарканде постепенное понижение уровня культуры и ремесел со II в. до н. э., а затем, при кушанах, с I в. н. э. общий упадок жизни в этом выдающемся центре древней цивилизации в Средней Азии.

A. I. Térénokine

PROBLÈMES DE LA DIVISION EN PÉRIODES ET DE LA CHRONOLOGIE DE L'ANCIEN SAMARKAND

Résumé

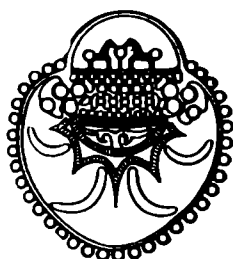
Dans la division en périodes archéologiques de l'ancien Samarkand, proposée par l'auteur dans les quarantièmes années, ce furent les problèmes de la chronologie absolue de ses premières étapes qui furent l'objet des plus grandes discussions. Les études récentes des chercheurs de Samarkand laissent percevoir une tendance de «rajeunir» les datations des périodes II—IV de l'histoire d'Afrassiab et de celle i de Talli — Barzou; ces périodes attribuées par l'auteur au IX-e siècle avant notre ère au I-er siècle de notre ère sont rattachées généralement dans les ouvrages modernes au IIIe siècle avant notre ère au IVe siècle de notre ère. On fait des tentatives de démontrer que Samarkand ne tombait en profonde décadence sous les Kouchans comme cela était antérieurement affirmé par l'auteur.

Les sources archéologiques analysées dans l'article, surtout de nouvelles trouvailles des pointes de flèche en bronze découvertes dans les couches archéologiques, portent l'auteur à penser que la revision de la chronologie prit une fausse direction et certaines périodes historiques sont plus anciennes. Alors une nouvelle division en périodes des débuts de l'histoire de Samarkand est suivante: l'ancienne A1—les VII—VIes siècles avant notre ère; la tardive A1—le Ve siècle avant notre ère; A1 et AII—les IV — IIIes siècle av. notre ère; AIV et TBI — le IIe siècle avant notre ère— le Ier s. de n. è. Cette répartition périodique permet de tirer des conclusions importantes du point de vue historique dont la principale consiste en ce que Samarkand se forma comme une très grande ville sur l'emplacement du site urbain d'Afrassiab bien avant l'époque des Achéménides, ce qui marqua alors l'apparition de la civilisation urbaine et de la notion d'Etat au Sogde. Il est de nouveau confirmé que l'épanouissement de Samarkand avait lieu aux temps helléniques et sa décadence correspond à la période kouchane.

⁵⁰ О. В. Обельченко. Ук. соч., стр. 15, 16.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

Заметки

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

КЛАД АНДРОНОВСКИХ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ с. БРИЧМУЛЛА БЛИЗ ТАШКЕНТА

Во время поездки в Среднюю Азию весной 1959 г. мне удалось познакомиться в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР с интересным кладом бронзовых вещей, найденным около с. Бричмулла. Бастандыкского района, Ташкентской области, в 1954 или 1955 г.¹

Обстоятельства находки клада остались невыясненными. Осталось также неизвестным, все ли вещи, входившие в клад, поступили в Институт истории и археологии.

В настоящем виде клад состоит из одного крупного орудия, четырех наконечников стрел, двух небольших бляшек и одной крупной бляхи. Все эти предметы, за исключением большой бляхи, отлиты из отличной золотистой бронзы. Большая бляха изготовлена путем отковки из такой же бронзы.

Приведем описание вещей из клада.

1. Крупное бронзовое орудие (рис. 1) представляет собой массивный ромбический в разрезе наконечник, похожий на наконечник копья. Орудие двулезвийное, широкое, длинное, с закругленным концом. С одного края втулка оттянута и образует длинный желобчатый выступ, с помощью которого орудие могло лучше закрепляться на древке; в основании втулки и на конце выступа имеются два круглых отверстия для гвоздей. Длина орудия — 31 см, ширина — 5,7 см.

2. Все четыре наконечника стрел (рис. 2, 1—4) однотипные, крупные, лишь несколько различающиеся между собой размерами. Наконечники листовидной формы, двухлопастные, с круглой втулкой, не выступающей из лопастей. У трех наконечников по втулке продольно обозначена грань. Длина наконечников — 3,9—4,5 см.

3. Гладкая, слегка выпуклая бляшка, имеющая на обратной стороне узкую дужку для прикрепления к ремню (рис. 2, 5). Отверстие в дужке при литье образовано посредством вставки прямоугольной формы, след которой отчетливо виден на внутренней стороне бляшки. Диаметр — 4,2 см.

4. Бляшка меньших размеров (рис. 2, 6), очень выпуклая, почти полушарная, с массивной дужкой для ремня на обратной стороне. Отверстие в дужке круглое. Диаметр бляшки — 2,4 см.

5. Тонкая, сильно выпуклая бляха с гладкой поверхностью и неровными краями (рис. 2, 7). Ни отверстий, ни дужки для прикрепления бляха не имеет. Диаметр ее — 9,4 см.

Культурная принадлежность и время клада из Бричмуллы отчетливее всего определяются по наконечникам стрел. Такого рода крупные листовидные втульчатые наконечники стрел ныне стали хорошо известны для андроновской культуры. Впервые они были выделены для нее по находке стрелы на Алексеевском поселении на р. Тоболе О. А. Кривцовой-

¹ Благодарю дирекцию Института истории и археологии АН УзССР, любезно разрешившую мне опубликовать эту находку.

Граковой². Интересная серия стрел происходит с поселения андроновской культуры около дер. Мало-Красноярка на Иртыше. Среди последних, наряду с такими, которые ничем не отличаются от стрел из Бричмуллы³, имеются и с длинной втулкой⁴. С более полным перечнем та-

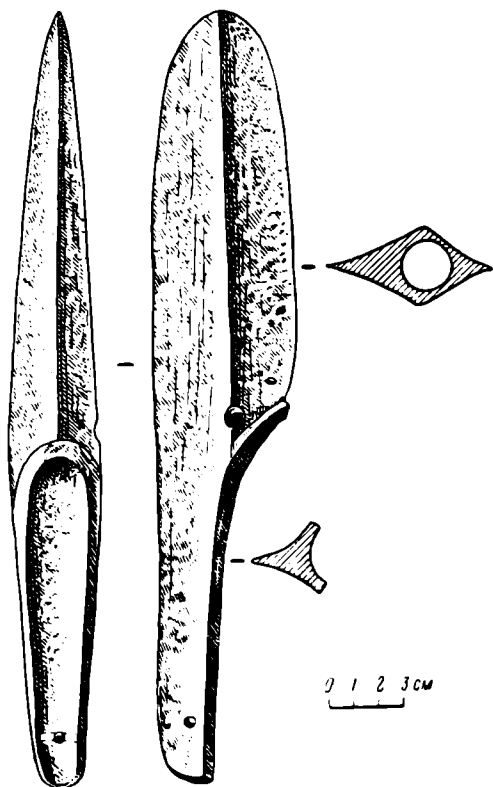

Рис. 1. Бронзовое орудие

ких андроновских наконечников стрел, происходящих главным образом из Казахстана, знакомит нас С. С. Черников⁵. В 1940 г. во время строительства Ташкентского канала около с. Ангар были найдены два больших двухлопастных наконечника стрел⁶. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, описывая подобный бронзовый наконечник стрелы из могильника бронзового века в Фергане близ с. Вуадиль, специально отметили его сходство с наконечниками стрел из Бричмуллинского клада⁷. Широкие листовидные втульчатые бронзовые наконечники стрел крупных размеров, очевидно, очень типичны для андроновской культуры. Они имеют вполне устойчивую форму, так что их нельзя смешивать ни с предскифскими, ни тем более с раннескифскими стрелами, которые отличаются меньшими размерами, иными пропорциями частей, причем раннескифские обычно бывают снабжены шипом.

Кроме описанного орудия в виде алебарды, в настоящее время известны еще три подобных же находки.

Об одной из них, происходящей из с. Колонтаева Харьковской губернии, сообщает А. М. Тальгрэн⁸. Другая входит в состав клада бронз, найденного на берегу Тюпского залива оз. Иссык-Куль, недавно тщательно изученного Е. Е. Кузьминой⁹. Этот же автор сообщает и о третьем известном ему орудии такого рода, хранящемся в музее г. Уральска. У всех этих орудий, как отмечает Е. Е. Кузьмина, втулка сквозная, а не закрытая, как у алебарды из Бричмуллы.

Изучение иссык-кульского клада привело Е. Е. Кузьмину, по-видимому, к правильному выводу, что он должен быть отнесен к концу бронзового века, ко времени около рубежа II — I тысячелетий до н. э.¹⁰

² О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 108, 162, рис. 33, 1.

³ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, 4, 6, стр. 79.

⁴ Там же, табл. XXXVI, 2, 11, 12.

⁵ Там же, стр. 162.

⁶ По неопубликованным материалам автора, собранным во время строительства канала.

⁷ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1961, № 1, стр. 131—133, рис. 4.

⁸ А. М. Tallgren. La Pontide préscythique apres l'introduction des métaux, ESA II, Helsinki, 1926, стр. 151, рис. 85.

⁹ Е. Е. Кузьмина. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы. Известия Академии наук Киргизской ССР, т. III, вып. 3, Фрунзе, 1961, стр. 106—107, рис. 3.

¹⁰ Там же, стр. 110.

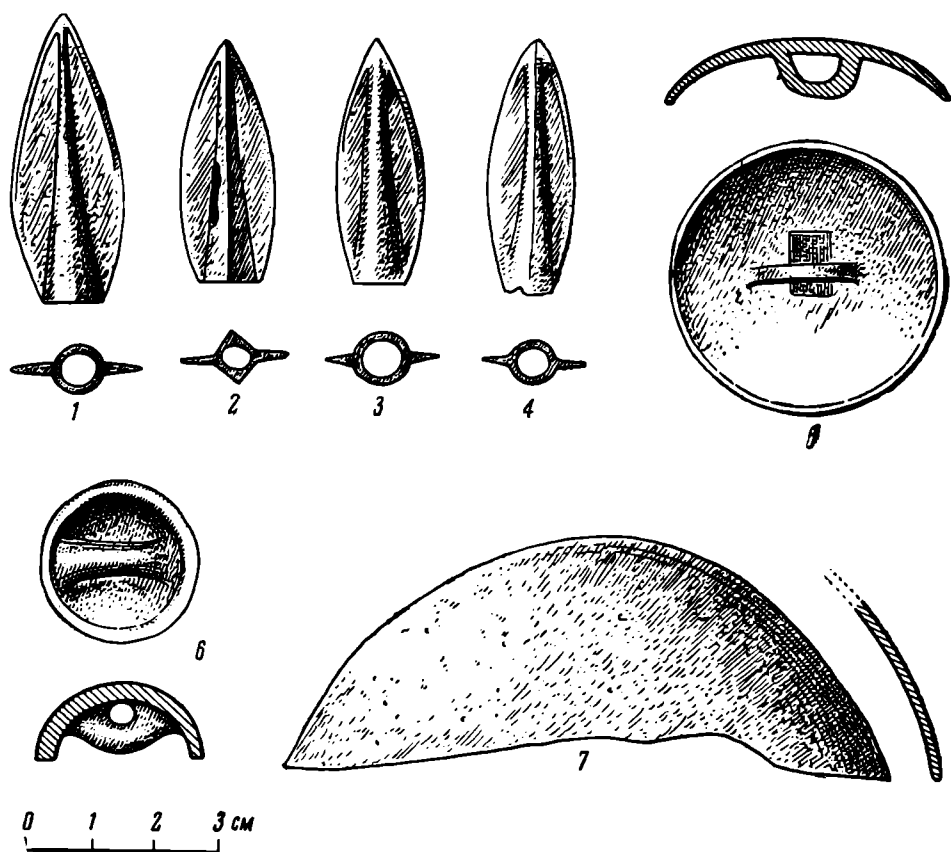

Рис. 2.

1—4 — бронзовые наконечники стрел; 5—7 — бронзовые бляхи

Клад из Бричмуллы обогащает представление о составе бронз ташкентско-ферганского варианта андроновской культуры. Среди них замечательны алебардообразное орудие, хороший набор наконечников стрел.

Большое значение имеют и различные бляхи, составляющие часть набора от конской узды андроновской культуры, первый опыт изучения которой дается в интересной статье К. Ф. Смирнова, посвященной описанию снаряжения верхового коня у племен бронзового века в степях Поволжья и Южного Приуралья¹¹.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46 и сл.